

Н. К. ШИЛЬДЕР

Император Александр Первый, его жизнь и царствование

<Фрагмент>

<...> Для удобнейшего обозрения событий царствования императора Александра можно разделить государственную деятельность его на три резко разграниченные между собою периода.

Первый период обнимает собою время от 1801 до 1810 года. Ему присваивают обыкновенно наименование эпохи преобразований. Вникая ближе в дух этого периода, вернее было бы назвать его эпохой колебаний. Действительно, за это время, то есть с 1801 по 1810 год, в государственной жизни России происходят непрерывные колебания как во внутренней, так и во внешней политике; по всем отраслям управления империей замечается полная неустойчивость взглядов, резкие переходы от одной политической системы к другой. Все эти явления обуславливаются исключительно одною личностью императора Александра, обладавшего свойством нередко колебаться в одно и то же время между двумя совершенно различными настроениями, без всякой последовательности в избранном им раз направлении.

Второй период продолжается с 1810 по 1816 год и по внутреннему своему смыслу всецело сосредоточивается на борьбе с Францией. Этот период, в противоположность предшествовавшему, олицетворяет собою настойчивое преследование одной господствующей мысли, доведенной с замечательной последовательностью до конца — пример, едва ли не единственный во все царствование Александра I. Неожиданно для всех, к удивлению всего мира, он явил себя в 1812 году непоколебимым и решился быть или не быть. Между тем Наполеон, готовясь к вторжению в Россию, основывал свои политические и военные расчеты на мнимой слабости Александра. В этом отношении сокровенные мысли завоевателя сходились с тайными расчетами его союзников: Меттерниха и Гарденберга¹. Всем этим трем недругам России пришлось однако неожиданно испытать полное разочарова-

ние. Мысль Александра, которую он тогда неуклонно преследовал, заключалась в низложении Наполеона. «Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать», — сказал Александр в самый разгар войны со своим гениальным соперником и оставался верен этой мысли до полного ее осуществления, даже среди всех невзгод, сопровождавших эту беспримерную в летописях мира борьбу.

Третий период, начинающийся в 1816 году, оканчивается смертью императора Александра в 1825 году. Историки обыкновенно присваивают этому периоду наименование периода конгрессов и охранения установленного ими порядка в Европе. Вернее и ближе к истине назвать это последнее десятилетие периодом реакции.

После низложения Наполеона император Александр представляет собою усталого мученика, колеблющегося между возрастающим влиянием Аракчеева и собственными убеждениями, усвоенными в дни молодости. Среди начинающейся с 1816 года реакции можно еще в первое время проследить присутствие ярких проблесков юношеских увлечений и мечтаний. Свидетельством тому может служить речь, произнесенная в 1818 году государем при открытии польского сейма. Но с 1820 года замечается уже полное исчезновение всех прежних идеалов, к осуществлению которых он некогда стремился с искренним увлечением. К этому душевному настроению присоединяется еще окончательное утомление жизнью (*un incurable dégoût de la vie*), признаки которого Меттерних подметил в императоре Александре уже в 1822 году во время конгресса в Вероне.

Входя в ближайший разбор поименованных нами трех разграниченных между собою периодов этого царствования, нужно отметить еще одну своеобразную черту характера императора Александра. Меттерних называет это явление периодичностью воззрений императора (*les évolutions périodiques de son esprit*). Она повторялась с поразительной последовательностью приблизительно через каждые пять лет его царствования. Действительно, Александр, усваивая себе по вдохновению какую-нибудь идею, немедленно отдавался ей с полным увлечением. На развитие этой идеи требовалось около двух лет: она незаметным образом приобретала в его глазах значение системы. В течение третьего года он оставался верен избранной системе, все более привязывался к ней, слушал с истинным увлечением сторонников ее и в это время становился недоступным никакому влиянию, могущему поколебать справедливость усвоенного им взгляда. На четвертый год его уже начинали тревожить могущие произойти от этого последствия. В пятый же год замечалась неопределенная смесь системы, готовой исчезнуть, с новой идеей, начинавшей зарождаться в его уме. Эта идея обыкновенно составляла диаметрально противоположность покидаемому

им воззрению. Затем, усвоив себе новые убеждения, он не сохранял о покинутых идеях другого воспоминания, кроме обязательств, связывавших его с различными представителями прежних воззрений.

Для подтверждения справедливости подобного воззрения на характер императора Александра достаточно остановиться на некоторых выдающихся событиях, ознаменовавших его царствование.

Вступив в 1801 году на престол, Александр выступает на политическое поприще с некоторыми симпатиями к главе французского правительства, первому консулу Бонапарту; но когда последний сделался пожизненным консулом, отношения к нему Александра сразу изменились; он обращается в его глазах в знаменитейшего тирана всемирной истории. Эти неприязненные чувства Александра продолжают с каждым годом возрастать и превращают его окончательно в ожесточенного врага Наполеона, как деспота и завоевателя. Обусловленная этими чувствами политика получает полное развитие в действиях вдохновляемой им коалиции 1805 года. После Аустерлицкого погрома истекает первое пятилетие царствования государя, и подготавливается новая перемена в его воззрениях.

В исходе 1806 года, Александр вторично вступает в борьбу с Наполеоном, на этот раз уже единоличную, но Фридландское поражение 1807 года² дает новое направление русской политике и вызывает решительный перелом в образе мыслей Александра. Происходит Тильзитское соглашение³, и Наполеон делается единственным другом и союзником русского императора. Тем не менее в 1809 году, по окончании войны с Австрией, сочувствие Александра к Наполеону оказывается уже сильно поколебленным, дружба принимает сомнительный характер, и все предвещает новый разрыв с Францией.

С 1810 года отношения между тильзитскими союзниками окончательно расстраиваются; Александр приходит к заключению, что он не может царствовать одновременно с Наполеоном, и в 1812 году разыгрывается воинственная эпопея, заканчивающаяся только в 1815 году окончательным низложением французского императора.

Венский конгресс⁴ создает новую политическую обстановку. Александр придумывает Священный союз, и Россия, сокрушив французскую империю, силою своих же побед становится во главе реакции в Европе. Но в уме Александра еще не померкли совершенно прежние идеалы гуманности и свободомыслия, получившие только оттенок чуждого ему в прежние годы христианского мистицизма. Это настроение государя продолжается с большими или меньшими колебаниями в ту или другую сторону до 1820 года.

Со времени же Троппауского конгресса⁵ Александр превращается в безусловного и страстного поборника самых крайних консервативных

принципов легитимизма и делается открытым врагом всякого народного движения, клонившегося к видоизменению существовавшего политического устройства; подобное воззрение применяется государем даже и к христианскому населению Востока, изнемогавшему под варварским мусульманским игом. При таком воззрении на события и при связанном с ним одностороннем направлении политических дел интересы России отходят на задний план, и за русской армией, по собственному выражению императора Александра, упрочивается значение одной из дивизий великой армии порядка (*de la grande armée de la bonne cause*). В исходе 1822 года, после Веронского конгресса⁶, Александр признается уже Меттерниху в том, что вся его жизнь, насколько зависит от него, посвящена заботам о действительном преуспевании общественного блага Европы (*au bien être réel de la chose publique Européenne*). Что же подразумевалось под громким наименованием преуспевания общественного блага Европы? Оно заключалось в тесном союзе Австрии, Пруссии и России и в предназначении всех громадных сил этих трех государств для укрощения стремлений народов, направленных к видоизменению их политического положения, где бы эти попытки ни проявляли своего существования.

Подобное направление политических идей императора Александра не имеет уже ничего общего с мыслями, занимавшими его даже в пору Отечественной войны, когда он среди приготовлений к предстоявшей борьбе с Францией мечтал еще о возрождении либеральных идей в Европе и предохранении несчастного человечества от угрожавшего ему варварства. *“C’est la dernière lutte de l’indépendance contre l’asservissement, des idées libérales contre le système de la tyrannie”* («Это последняя битва независимости против порабощения, либеральных идей против системы тирании»), вот в каких выражениях Александр определил значение 1812 года, когда Наполеон уже перешел Неман, и, конечно, эти мысли не имели ничего общего с позднейшими идеями творца Священного союза.

Кончина императора Александра в 1825 году прерывала предстоявшее дальнейшее и неизбежное видоизменение взглядов, ознаменовавших собою последнее печальное пятилетие столь богатого потрясающими событиями царствования. Трудно определить, какой характер получило бы следующее затем пятилетие, если бы жизнь Александра не прервалась столь внезапно. Сказать можно только то, что в то время существовали зачатки чего-то нового... но едва ли эта предстоявшая новизна обрадовала бы Россию...

